

— Эта Шэнь... она ведь не обычный человек, это же реинкарнация пьянчужки! — Е Ланьси, уже полностью сдалась под натиском алкоголя, склонившись над унитазом, снова вырвала, её глаза покраснели, и она ругалась:

— Я в таком состоянии только потому, что ты меня не накормила.

Опьянение набирало силу, и Е Ланьси начала придирается, обращаясь к Шэнь Ваньцин:

— Скажи, разве она не бессердечная?

Лу Чжися, поднося ей еду, соглашалась:

— Да, да, я бессердечная.

— Я тебе говорю, Шэнь Ваньцин, у неё нет человечности.

Лу Чжися продолжала кормить её, отвечая:

— Правильно, правильно, у меня нет человечности.

— И ещё у неё нет морали!

— Да, да, у меня нет морали. — Лу Чжися поспешно подносила ей еду, улыбаясь Шэнь Ваньцин. — Сестра, не обращай внимания, она просто пьяна.

— Кто пьян?! — Пьяные люди больше всего не любят, когда их называют пьяными, и Е Ланьси возмутилась:

— У меня всё в порядке с головой, ты же мне поручила... мм!

Рот ей заткнули едой.

В конце концов, она снова вырвала, на этот раз прямо в тарелку, и Е Ланьси стала бить Лу Чжисю, обвиняя:

— Ты что, хочешь меня убить?!

Цинь Чжэн, раздражённая её шумом, что было для неё редкостью, резко крикнула:

— Ты вообще можешь пить? Если нет, иди к собакам за стол!

Цинь Чжэн краснела от алкоголя, её обычно бледная кожа теперь была покрыта румянцем, шея тоже покраснела, а в глазах появились кровяные сосуды.

Короче говоря, Лу Чжися никогда не видела её такой «красной», и, конечно, она не ожидала, что из трёх сегодняшних участниц именно Цинь Чжэн продержится дольше всех.

Две другие уже давно отправились на свидание с Чжоу-гуном, а одна всё ещё упорно боролась, пытаясь договориться с ним, чтобы он позволил ей поспать подольше... Но видно было, как веки Е Ланьси постепенно смыкаются, и её болтливый рот наконец замолчал.

За столом остались только Цинь Чжэн и Шэнь Ваньцин. Лу Чжися сидела рядом, уже понимая, кто победит.

Щёки Шэнь Ваньцин лишь слегка порозовели, её взгляд оставался таким же холодным и безразличным, как всегда. А вот Цинь Чжэн уже начала терять ясность взгляда, и если бы она продолжила пить, то скоро стала бы третьей маленькой пьяницей.

Лу Чжися думала о том, чтобы сдаться, но Цинь Чжэн решила во что бы то ни стало выяснить, кто сильнее, и продолжила пить с Шэнь Ваньцин.

Шэнь Ваньцин весь вечер молчала, только пила, почти не притронувшись к еде, всё время полагаясь на Лу Чжисю, которая её кормила.

Большую часть времени она лишь изредка бросала взгляды на Лу Чжисю.

Сначала Лу Чжися не придавала этому значения, но позже взгляды Шэнь Ваньцин стали казаться всё более многозначительными.

Цинь Чжэн, похоже, решила биться до конца, и Лу Чжися, пытаясь накормить её, не могла добиться, чтобы она взяла палочки.

Под пристальным взглядом Шэнь Ваньцин Лу Чжися не могла кормить её сама, поэтому она разбудила уже засыпающую Е Ланьси.

Е Ланьси, сонная и не желающая двигаться, получила от Лу Чжисьи подёргивание за ухо:

— Маленькая пьяница, как только выпьет, сразу падает.

Это был вызов для пьющего человека, и Е Ланьси, гордая, поднялась. Лу Чжися дала ей новое задание — накормить Цинь Чжэн.

Руки Е Ланьси, держащие палочки, дрожали так, будто у неё было десятилетнее сотрясение мозга.

Она хотела накормить Цинь Чжэн, но, взяв полную палочку еды, донесла до неё лишь листик

овощей.

Шэнь Ваньцин взяла палочки, поднесла кусочек мяса к губам Цинь Чжэн.

Цинь Чжэн посмотрела на Лу Чжисю и указала на неё:

— Пусть она меня кормит.

Лу Чжися завидовала, она тоже хотела, чтобы её кормила сестра.

Е Ланьси, разбуженная, начала мешать, дёргая ногами и крича:

— Отпусти меня!

Лу Чжися, вздохнув, сказала:

— Цинь Чжэн, отпусти её.

— Это она меня зацепила. — Невинно ответила Цинь Чжэн, освобождая ногу, на которой декоративная цепь на брюках зацепилась за носок Е Ланьси.

Лу Чжися помогла решить проблему, оттащила Е Ланьси и бросила её на кровать в боковой комнате.

Затем она отнесла Цзян Мэнлай на кровать в той же комнате.

Цинь Чжэн подняла бокал, произнося тост:

— Слушай, спасибо тебе, спасибо, что накормила меня.

Упрямая Цинь Чжэн сопротивлялась ещё какое-то время, но в конце концов Лу Чжися перед её глазами начала двоиться, и на этот раз она наконец смогла отобрать бокал. Перед тем как потерять сознание, она взяла подушку и швырнула её в голову Шэнь Ваньцин, смутно произнеся:

— Я... я могу... помочь... помочь тебе только до этого.

Цинь Чжэн, не выдержав, упала. Подушка, брошенная в Шэнь Ваньцин, не попала в цель, и Шэнь Ваньцин, сняв подушку, наконец начала терять ясность взгляда, но даже в этом состоянии её глаза продолжали следить за Лу Чжисей, что немного пугало её.

Лу Чжися оглядела поле боя — все были повержены, поражение было полным.

Шэнь Ваньцин поманила её, указательным и средним пальцами сделав знак, и Лу Чжися, поняв, достала сигарету и подала ей.

Шэнь Ваньцин, шикнув, нахмурилась, её взгляд, словно гвоздь, впился в Лу Чжисю.

Лу Чжися сразу поняла и, как верный пёс, закурила сигарету и подала ей.

Шэнь Ваньцин затянулась, глубоко выдохнула, затем поманила её, чтобы та подошла.

Лу Чжися, как послушный щенок, подошла, и Шэнь Ваньцин поднесла сигарету к её губам, чтобы она тоже затянулась.

Лу Чжися уже собиралась выпустить дым, но вдруг её обняли, и её дыхание было перехвачено.

Сладкий, но смертельный аромат. Лу Чжися давно не испытывала такого взаимодействия, где Шэнь Ваньцин была ведущей.

«Пьяные делают глупости» — в этом есть доля правды, ведь в день их первой встречи они тоже пили.

Лу Чжися не понимала, как Шэнь Ваньцин всегда умудрялась открывать в ней что-то новое.

Как сейчас, когда Шэнь Ваньцин использовала странный, но увлекательный способ, чтобы накормить её сладостью.

Лу Чжися не могла удержаться, чтобы не попросить больше, но в следующую секунду боль заставила её очнуться.

Боль мешала ей сразу говорить, её речь стала невнятной, и она с трудом произнесла:

— Зачем ты меня укусила?

Лу Чжися не знала, когда она стала пассивной, оказавшись на полу.

Шэнь Ваньцин, сидя на ней, приподняла её подбородок пальцем и выпустила дым ей в лицо.

Лу Чжися резко вдохнула, закашлялась, её глаза покраснели, будто она была готова заплакать.

Расстояние между ними внезапно сократилось, и взгляд Шэнь Ваньцин стал игривым, она с издёвкой сказала:

— Ты что, такая мягкая?

Лу Чжися, играя с ней, обвила её шею руками, редко проявляя кокетство, и специально перешла на тонкий голос, шепча:

— Хорошая сестра, ты такая сильная.

Шэнь Ваньцин, положив руку на её грудь, наклонилась и спросила:

— Даю тебе один шанс, скажи.

Лу Чжися, вздохнув, поняла, что не сможет обмануть, и призналась:

— Я сейчас всё расскажу, прошу сестру быть снисходительной.

Лу Чжися честно призналась, что пыталась напоить Шэнь Ваньцин, чтобы задать ей один вопрос.

Шэнь Ваньцин подняла бровь, давая ей продолжить, и Лу Чжися, колеблясь, сказала:

— Я хочу тебе кое-что сказать, не пугайся.

Она подготовилась морально и продолжила:

— Ты действительно лунатик, и каждую ночь ты... ты... — она снова заколебалась, увидев, как в глазах Шэнь Ваньцин мелькнул огонёк, и смело добавила:

— Каждую ночь ты спишь в шкафу, ты знаешь об этом?

Шэнь Ваньцин сжала губы, глубоко вздохнула и села, глядя на неё:

— Может, я расскажу тебе кое-что, и ты не пугайся.

Слова, как стрела, готовы были сорваться с её губ.

Но вдруг зазвонил телефон Шэнь Ваньцин, и это была не обычная мелодия, а специально установленная для кого-то.

Мелодия была знакомой — Charlie Puth «Suffer», текст песни был довольно откровенным.

Лу Чжися где-то слышала её раньше, она подумала три секунды и вспомнила — это была Янь Мэнхуэй.

Её сердце на мгновение сжалось, но на лице появилась улыбка, и она сказала:

— У тебя телефон звонит, сестра.

Шэнь Ваньцин, конечно, слышала, и Лу Чжися сама взяла её телефон со стола.

Она призналась себе, что хотела посмотреть, какое имя стоит в контакте, и, увидев, её сердце упало.

Вместо имени там было пять сердечек. Лу Чжися почувствовала, как её ревность закипает: одно сердечко ещё куда ни шло, но пять!

Телефон звонил и снова замолкал, очевидно, сейчас было не лучшее время для разговора.

— Ответь, наверное, это срочно. — Лу Чжися сама взяла трубку, но было уже поздно, звонок прервался, и сразу пришло сообщение от Янь Мэнхуэй с фотографией.

Шэнь Ваньцин наконец взяла телефон, затянулась сигаретой, несколько раз нажала на экран, и её брови нахмурились.

Она выпустила дым, ладонью прижала человека под собой и с лёгкой досадой сказала:

— Мне нужно идти, поговорим в следующий раз.

Когда она уходила, её шаги были настолько уверенными, что Лу Чжися начала сомневаться, не пила ли она поддельный алкоголь, но Цинь Чжэн спала крепким сном.

Трое против одной, и всё равно не смогли победить, все трое лежали без сознания.

Лу Чжися, услышав, как дверь закрылась, нахмурилась, её сердце было тяжело.

<http://bllate.org/book/15534/1381695>